

Митрофанов Алексей Владимирович

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД 1860-1890 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Предпринята попытка проанализировать проблемы конфессиональной политики Российской империи в период 1860-1890 гг. Автор показывает, что принципами имперского религиозного строя стали покровительство религиозности подданных, абсолютная ортодоксия, монополия на прозелитизм, нетерпимость в отношении асоциальных религиозных образований и сект, уголовное преследование за преступления против веры и нравственности. При этом превращение России в многонациональное, поликонфессиональное государство актуализировало перед духовной и светской властью проблему интеграции нерусских народов и представителей неправославных конфессий в общероссийское культурно-правовое поле.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 106-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

3. Карасик В. И. О типах дискурса [Электронный документ]. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 07.07.2017).
4. Левин Е. А. Ассимиляция спорта и политики в современном мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 6 (96). С. 123-126.
5. Малышева Е. Г. Универсальная идеология «спорт» в политическом дискурсе СССР и современной России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46-47). С. 330-337.
6. Мангутова В. Р. Спортивный дискурс и его участники [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acis.vis.ru> (дата обращения: 03.06.2017).
7. Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса // Шейгал Е. И. Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 57-64.

SPORT IN THE INFORMATION SOCIETY DISCOURSES

Ligostaeva Natal'ya Dmitrievna
Samara State Oblast Academy (Nayanova)
ligostaeva2013@mail.ru

In the article the results of the theoretical research aimed at analyzing the sports discourse in the information society are presented. Sport is studied as a universal form of influence on the consciousness of people and communities in the light of the ongoing processes of virtualizing the world of politics by means of the mass media. The specificity of functioning, overlapping and intersection of the sports discourse with other discourses of modern society is considered. The attention is focused on the dependence of the representation of the concept "sport" on the historical component of each period of the human development.

Key words and phrases: discourse of power; power of discourse; sports discourse; universal ideologeme; sport; national idea.

УДК 9(571.1/5)

Исторические науки и археология

Предпринята попытка проанализировать проблемы конфессиональной политики Российской империи в период 1860-1890 гг. Автор показывает, что принципами имперского религиозного строя стали покровительство религиозности подданных, абсолютная ортодоксия, монополия на прозелитизм, нетерпимость в отношении асоциальных религиозных образований и сект, уголовное преследование за преступления против веры и нравственности. При этом превращение России в многонациональное, поликонфессиональное государство актуализировало перед духовной и светской властью проблему интеграции нерусских народов и представителей неправославных конфессий в общероссийское культурно-правовое поле.

Ключевые слова и фразы: церковь; миссионерская деятельность; благотворительность; сектантство; протестантизм; ислам.

Митрофанов Алексей Владимирович

г. Пенза

aquanice@bk.ru

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД 1860-1890 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Период 1860-1890 гг. – это время значительных перемен в жизни общества и церкви. В качестве ключевой, на наш взгляд, выступает проблема институционального развития церкви, ее места в системе межконфессиональных отношений и общественной жизни.

Первая волна церковных реформ пришлась на период правления Александра II (1855-1881 гг.). Практически сразу после его коронации митрополит московский Филарет (Дроздов) поднял вопрос об усилении борьбы против староверов и снятии запрета перевода Библии на русский язык. На тот момент данные требования были поддержаны. Были опубликованы Уставы церквей неправославных вероисповеданий, которые определяли положение лютеран, римо-католиков и мусульман. Правительство вынуждено было пересмотреть принципы вероисповедной политики.

В 60-70-х гг. девятнадцатого столетия проходил первый этап церковного реформирования с учетом опыта стран Запада. Созданный в 1860 Синодом комитет по духовно-учебной реформе, который возглавил архиепископ Херсонский Димитрий (Муретов), изучал опыт организации работы духовных учебных заведений во Франции. Либеральная пресса того времени побудила прекратить гонения против раскольников как противозаконные. Указывалось, что репрессивные меры приводят к обратным результатам и лишь увеличивают количество раскольников и усиливают межконфессиональные конфликты. В конце концов, в 1864 был создан комитет по «раскольническим делам», который должен был пересмотреть законы относительно раскола.

В этом же 1864 году Александр II утвердил «Правила» для старообрядцев, по которым они получили право отправлять богослужение, выезжать за границу, вести собственные метрические записи, писать иконы для собственных нужд, занимать некоторые общественные должности, основывать собственные школы грамоты и т.д.

В 1874 г. был принят закон о браках раскольников, которые должны были фиксироваться в специальных метрических книгах (их вели местная полиция и органы местного управления). Именно этот закон и положил начало официальному признанию «раскола» как отдельной деноминации в пределах православной конфессии. В 1879 г. были утверждены Временные правила по ведению метрических записей немецкоязычных баптистов, которым разрешалось исповедовать свое вероучение и производить богослужения.

Второй период церковного реформирования (1880-1890 гг.) бы связан с общегосударственными задачами, первая из которых, вставшая перед властью в пореформенный период, – это укрепление политической системы и борьба с террористами. В этот период начался процесс свертывания либеральных реформ, усиления унификации в официальной Церкви и уничтожения национальных особенностей церковной организации.

Конфессиональную политику тогдашней России в значительной степени определял обер-прокурор Синода Константин Победоносцев, который был назначен на эту должность еще Александром II.

Т.е. развитие межконфессиональных отношений в 1860-1890 гг. происходило в условиях последовательной реализации реформ либерального и консервативного направлений в рамках церковного ведомства, активизации общественной миссии Русской православной церкви, борьбы с растущим сектантским движением.

В процессе анализа религиозной ситуации в провинции необходимо учитывать такие факторы, как народные настроения, отношение простых людей к официальной Церкви, а также многоконфессиональный характер русского общества (что особо было характерно как раз для Поволжского региона, а также территорий Сибири и Дальнего Востока).

И в этой связи необходимо отметить, что религиозный строй Российской империи не знал однородного отношения ко всем религиям и конфессиям, а напротив, выстраивал целую иерархию вер, на вершине которой было Православие, ниже – инославные христианские конфессии, далее – признанные государством нехристианские веры, а замыкали эту вертикаль нетерпимые или почти нетерпимые государством вероисповедания, которые преследовались по закону в большей или меньшей степени.

Эти причины подготовили своеобразную основу для ослабления идеологических позиций РПЦ и распространения влияния иных религиозных движений – католичества, лютеранства, а позже – христианских направлений евангелического толка (штундизма и баптизма).

Сектантство на территории Поволжья нашло благоприятную почву, и причин тому четыре.

Во-первых, сектантство проповедует полную свободу действий, сектант должен жить по духу Евангелия, как он его сам понимает. Это особенно привлекает молодежь – нет постов и долгих молитв, выговоров со стороны священников за неправильное поведение.

Во-вторых, православные священники бывают в деревнях своего прихода всего несколько раз в год, остальное время находятся при храме приходского села. Да и пребывая в деревне, не имеют общения с крестьянами, кроме отправления накопившихся обрядовых треб. Поэтому сектанты, часто и запросто общаясь с народом, имеют на него больше влияния.

В-третьих, низкий уровень религиозно-нравственного развития крестьян. Как отмечал еще в 1913 г. архимандрит Арсений, «крестьянин, посещая храм, ставя свечи, не работая в воскресенье, делает это не по глубокой вере, а в силу привычки, привитой с детства. Поэтому, не имея осмысленного отношения к религии, легко поддается на агитацию представителей той секты, учение которой привлечет его не обыденностью, легкостью, правильностью или каким-либо другим аргументом» [1, с. 82].

И в-четвертых, сельская интеллигенция способствует если не распространению сектантства, то отвержению от православия тем, что относится к нему или поверхностно, или с явным пренебрежением. В результате крестьяне заявляют, что «умные люди, даже господа живут не как велят попы» [9, с. 5].

Последняя причина была особенно характерна для общероссийской ситуации, когда даже обер-прокурор отмечал: «Из образованного класса... во многих стали обнаруживаться признаки холодности к вере и недостаток благоговейного внимания к церковным постановлениям. Прискорбнее всего, что примеры вольномыслия и холодности ко всему церковному действуют вредно на необразованный класс». Для устранения этих причин власти принимали различные меры, прежде всего это преодоление у духовенства «кастовой организации и замкнутости... в отношении его прав и обязанностей» и развитие в народе соревнования по изучению церковности в надежде, что это «возвысит дух его, укрепит в вере и положит в самом народе преграду соблазнам и поискам иноверных пропаганд...» [14, д. 7, л. 4].

Сама политика по отношению к представителям инославных конфессий имела противоречивый характер, что было связано с противоречивыми религиозно-политическими воззрениями обер-прокурора Победоносцева. Так, с одной стороны, закон от 3 мая 1883 предоставлял право богослужения «раскольникам всех сект» (кроме скопцов), им разрешалось занимать общественные должности, заниматься торгово-промышленной деятельностью, получать паспорта на общих основаниях, открывать собственные молитвенные и тому подобное [8, с. 225]. По-прежнему запрещалось строить колокольни, устраивать крестные ходы и распространять свое вероисповедание среди православного населения.

С другой стороны, в 1885 г. состоялся Собор епархиальных архиереев, и на нем отдельно рассматривался вопрос о борьбе с расколом. Гораздо больше раскольнического движения церковную и светскую власть

в это время беспокоило широкое распространение евангелических сект – штундов, баптистов и др. Активная пропаганда всеобщего равенства, трудолюбия, благотворительности, помощи ближнему, всеобщей любви и мира привлекала в эти секты народ [15, с. 3]. В соответствии с этим власть готова была принять целый ряд радикальных мер по «искоренению» движения.

Активные действия со стороны властей вызвали определенное противодействие со стороны преследуемых. Гонения оппозиционных исповеданий вызвали формирование определенного ореола мучеников вокруг тех, кто попал под репрессии. На их сторону становились либеральная пресса, либерально и даже консервативно настроенные граждане.

Исходя из тех критериев, которые установил Синод, к сектам можно было отнести следующие учения:

- 1) все т.н. «поповщинские» толки (т.е. секты, где были священнослужители);
- 2) из т.н. «беспоповщинских» направлений: поморцы, которые, впрочем, творили молитву за Царя, а также серьезно относились к институту брака; нетовцы, которые, несмотря на расхождения с РПЦ, принимали крещение и заключали брачные союзы в официальной Церкви.

К «более вредным», по определению Синода, относились:

- 1) иудействующие секты (субботники, адвентисты, жидовствующие);
- 2) последователи духоборческих сект, молокане, прыгуны, последователи штунды;
- 3) хлыстовские секты;
- 4) последователи учения скопцов;
- 5) последователи самокрещенцев, странническая ересь (сопелковцы, бегуны), аристовщинцы, аароновцы;
- 6) поморцы, не признающие брака в официальной Церкви.

Так, отчет «О местном расколе и сектантстве», опубликованный в Пензенских епархиальных ведомостях, рисует следующую ситуацию с сектантством на территории губернии (по некоторым уездам) в конце 1890-х гг. [9, с. 7-11].

Инсарский уезд. Все отчеты Училищного Совета (1889-1897 гг.) считают этот уезд свободным от раскола. Однако это не совсем правильно. Дело в том, что имеются данные, заставляющие думать, что в Старой Ведоровке есть раскольники, лишь официально не значащиеся. На границе Нижегородской епархии соседство с селами, зараженными расколом, деморализующим образом действует на религиозные понятия жителей села и расшатывает твердый союз их с Церковью православною. Благодаря близости села Акаева с раскольническим населением, а также частым сношениям с жителями его прихожан села Старой Ведоровки, многие из них увлекались раскольническим учением и по своему умственному невежеству отторгались от Церкви православной, так что в прежнее время, по официальным данным, до 1891 года среди прихожан были явные отщепенцы, находившиеся в ведении раскольнического попа села Акаева. Видно отсюда, что пропаганда раскола в Инсарский уезд направляется преимущественно из Нижегородской губернии с ее громадным раскольническим населением; пропагаторами являются главным образом австрийцы, имеющие своих попов в близлежащих к Инсарскому у. селах. Что касается, в частности, Старой Ведоровки и её современного религиозного положения, то из этого свидетельства становится очевидным, что раскол здесь в действительности вовсе не прекратил своего существования, так как нельзя же назвать православными тех, которые, будучи заражены «духом религиозного брожения», не исполняют христианского долга по 10 или даже 20 лет. Ясно, что раскол здесь исчез на бумаге, но продолжает существовать в действительности.

Городищенский уезд. Отчеты Инокентьевского Братства и Училищного Совета дают совершенно согласный список раскольнических приходов по Городищенскому у. Итого 21 раскольнический приход. А так как всех приходов в Городищенском у. лишь 72, то отсюда становится ясным, что почти целая треть из них заражена расколом и сектантством. В 11 из этих приходов раскол существует издавна, во всяком случае, существовал и ранее 1857 г. <...> В остальных 10 явился, по-видимому, лишь в позднейшее время, 60-70-е гг., так как до этого времени мы не встречаем никаких указаний на них. Но это едва ли справедливо.

До освобождения крестьян раскольники и сектанты редко и очень неохотно заявляли себя отступниками от Православной церкви, предпочитая официально числиться православными.

Однако нельзя сказать, чтоб большинство или даже половина раскольнических приходов были смежны между собою. Напротив, все они располагаются отдельными самостоятельными районами или гнездами, весьма часто даже не имеют тесного общения между собою, северные и северо-западные раскольничьи приходы не представляют собою самостоятельного района, а входят в состав Саранско-Мокшанско-Городищенского района – с преобладанием поповщины, нетовщины и бегунства.

Как заявляют авторы отчета, при таком географическом положении, при разнообразных торговых и иных сношениях, при существовании общих промыслов трудно допустить, чтоб раскольническое или сектантское учение не проникало и не производило большего или меньшего религиозного брожения среди православных.

В конце XVIII в. и в начале XIX в. в Краснослободском уезде начала развиваться духоборческая секта, на смену которой пришло потом молоканство.

Авторы отчета подчеркивают: «должно заметить однако, что представленные нами списки вовсе не гарантируют того, чтобы последователи раскола и сектантства не могли быть найдены и в других приходах. Всем и каждому известно, что приходские священники, даже те, которые живут в местных епархиальных ведомостях, говорят о расколе настолько уклончиво, настолько осторожно (как будто они лично виноваты в существовании раскола и сектантства), что невольно удивляешься, зная, что им, после указа Св. Синода, вовсе не грозит никакой опасности за доставление ясных, точных, вполне откровенных сведений о местном расколе» [Там же, с. 8].

Распространение сектантских учений в конце XIX века достигло таких значительных размеров, что по предложению Пензенского епископа Митрофана, которое он сформулировал в 1891 г., деятельность по борьбе с лжеучениями была разделена на два направления: 1) против раскола внутри православия; 2) против сект и лжеучений неправославного толка (от протестантских учений до теософии и мистицизма) [6, с. 188].

Как было уже отмечено в предыдущих разделах, законодательство имперской России предусматривало уголовные и административные меры по отношению к «отступникам»: от «бесед» в полицейском управлении или консистории до длительных сроков тюремного заключения и высылки в Сибирь. Однако действенность данных мер многими ставилась под сомнение: секты как реакция населения на сращивание духовного и полицейских ведомств не прекращали распространяться, а коренные народы не слишком стремились принимать православие. В этой связи стало распространяться мнение о необходимости более гибкой, мягкой политики по отношению к инославным: к примеру, уже упомянутый ранее миссионер, педагог и теоретик Н. И. Ильминский настаивал на проведении богослужения на исконных языках, отсутствии необходимости перевода священных книг и т.д. (т.е. на необходимости свертывания политики насильственной русификации).

Действительно, даже перед возможностью уголовного наказания насильственно обращенные всячески стремились возвратиться в свою исконную веру. В одном из отчетов Обер-прокурор Синода отмечает повальное уклонение в магометанство крещеных татар Саратовской губернии, которые «прервали всякую связь с православием» и направили коллективную просьбу на высочайшее имя о возвращении в ислам [14, д. 342, л. 2].

В то же время там, где миссионеры проявляли гибкость, отмечается явный успех в плане обращения иноверцев. Один из отчетов обер-прокурора Синода говорит о том, что «в темной, невежественной среде с давнего времени совершается нравственный переворот, подготовленный многолетнею, разумною деятельностью местных пастырей» [Там же, л. 2 об.].

Зачастую отдельные священники РПЦ говорили и о необходимости гибкой политики по отношению к раскольникам. Так, отчет «Религиозно-нравственная жизнь прихожан села Куракина Городищенского уезда и их умственное развитие» от 26 ноября 1867 г. подчеркивает хорошие стороны в жизненном укладе раскольников (милосердие, молитвенность и т.д.). По мнению автора отчета, именно на эти стороны нужно воздействовать, чтобы раскольники вновь стали «послушными чадами Церкви Христовой» [5, д. 2140, л. 36 об.].

Действительно, в большинстве случаев уход в раскол представлял собой акт сознательный – более того, совершавшийся, несмотря на репрессии и преследования. Какие же причины двигали людьми, осознанно выбиравшими путь преследований и лишений?

В этой связи интересна классификация мотивов ухода в раскол, которую построил А. Батуркин. Он выделяет такие группы мотивов [2, с. 78-79]:

1. Мотивы бытового характера. Это переход в раскол при заключении брака либо переезд в места концентрированного проживания раскольников.

2. Ситуации массового конфликта населения с представителями местного духовенства. Это случаи неправедного, порочащего церковь поведения со стороны священников, либо, напротив, излишний пыл последних в искоренении пороков в среде местного населения.

3. Духовно-религиозные мотивы: переход в раскол в силу агитации, проповеди со стороны носителей сектантских идей (перевербовка).

Т.е., независимо от всех предпринимаемых церковью мер, раскол, как отмечает А. И. Дворжанский, «все более и более заражал православную паству» [6, с. 154].

Таким образом, основой межконфессиональной политики в 1860-1890 гг. стал имперский патернализм. С одной стороны, тотальное покровительство РПЦ, насильственное обращение в православную веру, с другой стороны, полная правительственная опека духовной жизни в целом – все это породило всеобщий скепсис во всех слоях населения по отношению к официальной религии, способствовало распространению сектантских и раскольнических явлений. Эти факторы пошатнули позицию РПЦ как опоры и оправдания легитимности монархической власти, вынудили и церковь, и государство искать новые рычаги сохранения стабильности в обществе.

Список источников

1. **Арсений, архимандрит.** Сектанты и церковная политика. Харьков, 1913. 189 с.
2. **Батуркин А.** Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77-79.
3. **Бенингсен-Брайан Ф.** Миссионерская деятельность в Поволжье // Татарстан. 1994. № 1-2. С. 110-113.
4. **Бердников И. С.** Краткий курс церковного права Православной Церкви. 2-е изд-е. Казань, 1913. 370 с.
5. **Государственный архив Пензенской области (ГАПО).** Ф. 182. Оп. 1.
6. **Дворжанский А. И.** История пензенской епархии / под общ. ред. архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима. Пенза, 1999. 599 с.
7. **Леонтьева Т. Г.** Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2010. Вып. 1. № 17. С. 32-44.
8. **Мельгунов С. П.** Из истории религиозно-общественных движений в России в XIX веке. Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектантство. М., 1919. 238 с.
9. **Пензенские епархиальные ведомости.** Часть неофициальная. 1887. № 9.
10. **Пензенские епархиальные ведомости.** Часть неофициальная. 1898. № 13.
11. **Православный собеседник:** издание Казанской Духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета, 1873. 420 с.

12. **Православный собеседник:** издание Казанской Духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. 480 с.
13. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 797. Оп. 97.
14. **РГИА.** Ф. 804. Оп. 1.
15. **Саратовские епархиальные ведомости.** 1886. № 9.

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND ITS PLACE IN THE SYSTEM
OF CONFESSIONAL RELATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE PERIOD OF THE 1860-1890S
(BY THE EXAMPLE OF THE MIDDLE VOLGA REGION)**

Mitrofanov Aleksei Vladimirovich

Penza

aquanice@bk.ru

In the article the attempt to analyze the problems of the confessional policy of the Russian Empire during the period of the 1860-1890s is made. The author shows that the principles of the imperial religious system were the patronage of the religiosity of subjects, the absolute orthodoxy, the monopoly on proselytism, the intolerance to asocial religious entities and sects, the criminal prosecution for the crimes against faith and morality. At the same time, the transformation of Russia into the multi-ethnic, poly-confessional state actualized the problem of integration of non-Russian peoples and representatives of non-Orthodox confessions into the all-Russian cultural and legal field to the spiritual and secular authorities.

Key words and phrases: Church; missionary activity; charity; sectarianism; Protestantism; Islam.

УДК 18

Философские науки

В работе анализируются специфика динамики развития социокультурных тенденций и особенности взаимодействия культурных типов в постиндустриальную эпоху, где преобладают «информационное общество» и культура постмодерна. Межкультурная коммуникация рассматривается в вертикальном срезе – в понимании особенностей взаимодействия представителей различных типов культур. На основе динамики взаимодействия культур поднимается вопрос о сохранении нравственных основ и тенденций элитарной культуры, которая сегодня также подвергается интеграции в массовую.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; интеграция; культурный феномен; элитарная культура; контркультура; массовая культура; постиндустриальное общество.

Михальчевский Евгений Александрович

Государственный университет управления, г. Москва

Comtevrard@gmail.com

Диденко Наталья Станиславовна, к. филос. н., доцент

Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва

nsdidenko@rambler.ru

ФЕНОМЕН ИНТЕГРАЦИИ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Сложившаяся картина мира в контексте теории общечеловеческой цивилизации определяет тип общества как информационный, поскольку в ходе развития цивилизации изменяется статус знания [4, с. 16] и роль информации в целом, что определяется динамикой развития средств информации и определяет динамику развития технологий коммуникации.

Эпоха индустриального общества через культуру модерна впервые формально актуализировала стратификацию культур в противопоставлении элитарной культуры массовой. Если «высокая культура» воздействовала на сознание, сохраняя его субъективные особенности, через смыслообразующую функцию, то массовая культура формирует ценности, оперируя штампами, простотой и доступностью в занятии досуга не ради просвещения и субъективизации, но ради самого досуга.

Развитие технологий книгопечатания через тиражированность (любовный, приключенческий роман, фельетон) четко определило грани доступности массовой культуры и исключительности элитарной (литературный салон, светское окружение). Но исторический опыт Нового времени показал лишь одну сторону в вертикальном срезе межкультурной коммуникации.

Эпоха постиндустриализации и развитие новых средств распространения информации предложили классификации культур не в аспекте её функций и роли искусства, а в уровне её влияния на общество.

В такой морфологии культур мы выделяем:

- доминантную культуру;
- контркультуру;
- субкультуру.